

ЛОРИ ЛАНСЕНС

ПЯТЬ ДНЕЙ В ГОРАХ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44
Л22

Lori Lansens
THE MOUNTAIN STORY
Originally published in Canada by Knopf Canada
Copyright © 2015 LLMT, Inc.
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения
The Bukowski Agency Ltd и *The Van Lear Agency*

Перевод с английского Павла Смирнова
Серийное оформление и оформление обложки
Татьяны Гамзиной-Бахтий

Лансенс Л.

Л22 Пять дней в горах : роман / Лори Лансенс ; пер.
с англ. П. Смирнова. — М. : Иностранка, Издательство
АЗБУКА, 2026. — 464 с. — (Территория лжи).

ISBN 978-5-389-30495-6

В день своего 18-летия Волф Трули поднимается на фуникулере на вершину горы неподалеку от Палм-Спрингс в Калифорнии. Его цель — покончить с собой, спрыгнуть в пропасть с того самого места, где год назад произошла трагедия с его лучшим другом. Но по пути он знакомится с семьей из трех женщин: бабушкой Нолой, ее дочерью Бриджет и внучкой Вонн, и эта встреча меняет его судьбу. Волф соглашается проводить дам к горному озеру, но они сбиваются с пути. Из-за ухудшения погоды группа оказывается в ловушке на горном хребте. Пять дней без еды, воды и крова над головой... Спустя много лет взрослый Волф рассказывает эту историю сыну Дэниелу, открывая правду о том, какую цену ему пришлось заплатить за собственную жизнь.

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44

© П. А. Смирнов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-30495-6

Дорогой Дэниел!

Человек должен немного пожить, чтобы оценить историю о выживании. Так я всегда говорил и обещал, что, когда ты вырастешь, я расскажу тебе свою. Это история не для детей, но и ты уже больше не ребенок. Сейчас ты старше, чем был я, когда заблудился в горной глуши.

Пять дней на ледящем холоде без еды, воды и крова. Эта часть тебе известна, и ты знаешь, что я был с тремя незнакомками и что не все выжили. Случившееся там изменило мою жизнь, Дэни. А когда ты прочитаешь эту историю, она изменит и твою.

Трудно понять, когда сын готов узнать правду о своем старике. В первый раз я едва не рассказал тебе всё в вечер твоего выпускного в средней школе. Потом — на твой четырнадцатый день рождения, на пятнадцатый и на каждый последующий. Ты имел право это знать, но это всегда оказывалось не так просто. Чтобы понять, что произошло на горе, ты должен знать, что было до этого.

Помнишь, прошлой весной мы ездили по колледжам? Мы ехали по темной грунтовке на окраине Блумингтона, и я едва не сбил оленя. Помнишь, нам пришлось остановиться на той стоянке для дальнобойщиков, потому что меня

всего трясло? Олень остался цел, а ты не понимал, почему это происшествие так потрясло меня. Позднее, когда я успокоился и мы ехали по шоссе в сторону дома, ты спросил, убивал ли я живое существо — случайно или нарочно. Ты дал мне идеальную возможность в идеальных условиях — самые хорошие наши разговоры всегда происходили в машине.

Ты был готов. Я — нет. В тот вечер я понял, что никогда не смогу рассказать тебе всю историю. Во всяком случае, лицом к лицу. Если бы мне пришлось видеть, как ты ее воспринимаешь, я бы отредактировал, цензурировал, солгал — пошел бы на что угодно, чтобы не видеть, как тебе больно. Но ведь нет смысла рассказывать половину истории, верно? Еще хуже — рассказать историю, правдивую только наполовину.

Поэтому я ее записал. Я отпечатал ее так, как она приходила в мои пальцы, потому что это казалось мне самым честным. Она вышла длиннее, чем я думал... но и в каком-то смысле короче. Почему я выбрал именно этот момент, когда ты начинаешь учиться в Университете Индианы. С возрастом ты поймешь, что не бывает подходящего или неподходящего времени, хоть и кажется, что это не так. Есть просто время. В общем, будет лучше, если ты прочитаешь эту историю, пока учишься в другом городе. Тебе понадобится время, чтобы принять ее. И некоторое расстояние от меня.

Тот день, когда я с остальными заблудился, тот судьбоносный ноябрьский день, был годовщи-

ной несчастного случая с Бердом. Год выдался тяжелым, и я думал, что хуже он стать уже не может. Потом Фрэнки, мой отец, напился на Хэллоуин и насмерть сбил на машине молодую пару. Мой лучший друг погиб, отец угодил в тюрьму за ДТП со смертельным исходом. Я остался один, и не с кем было поделиться своими планами. Не то чтобы я с кем-нибудь поделился бы планами подняться на гору, потому что в тот прохладный серый день, на который еще и пришелся мой восемнадцатый день рождения, я решил подняться на пик Ангела, чтобы сброситься с него.

Эту часть истории не знает никто. Даже твоя мать.

Мои спутницы в том или ином виде остаются со мной с тех самых пор, когда мы все вместе заблудились много лет тому назад: идут рядом, когда я выгуливаю собак, тихо сидят, когда я читаю в постели, направляют меня шепотом, когда я не могу найти дорогу, заглядывают мне через плечо все время, пока я печатаю эти страницы. Я буду скучать по их незримому присутствию.

Когда ты был маленьким, ты наблюдал за мной в моменты покоя и спрашивал, думаю ли я о горé. Почти всегда так и было. Ты спрашивал, снилась ли она мне. Снилась. И до сих пор снится, особенно в последнее время. Иногда я просыпаюсь в ужасе. Иногда с тоской по старым друзьям.

Твоя мать? Она всегда говорила, что не хочет знать все грязные подробности. Но все же мы оба понимали, что этот день наступит, и, когда ты до-

читаешь, придется прочитать и ей. Боюсь, я держал историю о горе в неволе так долго, что она не выживет в дикой природе. Твоей маме хотелось бы, чтобы это уже произошло.

Вот она, Дэнни. Читая ее, не забывай наш семейный девиз: будет качать.

С любовью,
папа

До

Дом моего детства стоял на Олд-Дьюи-Роуд среди похожих маленьких дощатых домиков в старой грязной части городка Меркьюри с наветренной стороны от самого большого в Мичигане мусороперерабатывающего завода, и железнодорожные пути проходили так близко к нему, что я мог отличить пассажирский поезд от грузового по тому, как тряслось наше жилище. Через полгода после несчастного случая с моей матерью — мы назвали это так — отец ненадолго протрезвел и покрасил весь дом внутри и снаружи в однотонный синий цвет. «Синий утопленника». Фрэнки сказал, что это дань памяти Глори. Ей нравился синий.

Фрэнки говорил, что я был слишком мал, чтобы помнить мать. Мне было четыре года, когда она умерла. Но я помню. Глори Элизабет Трули. В моем любимом воспоминании она одета в белое шелковое платье с рукавами «летучая мышь». Я никогда не видел его на фотографиях. Она стоит перед зеркалом в примерочной и улыбается нашему отражению, а за нашими спинами висит другое зеркало, открывающее мне нашу бесконечность. «Всегда», — говорю я. Моя красавица-мама смеется и говорит, что я умный, а потом неж-

но целует меня и подхватывает, начиная кружить в своих объятиях. При каждом обороте я вижу наше отражение. В этом белом платье Глори напоминает ангела.

Лучше всего я помню утра с мамой, когда я смотрел, как она собирается на работу (она была воспитателем в детском саду), пока Фрэнки (предприниматель) спал наверху. Мы разговаривали шепотом, пока она наносила макияж на свое милое личико и сбрызгивала кудряшки лосьоном с лимонным запахом. Прежде чем скрыться за дверью, она оборачивалась с улыбкой, потом прикладывала ладонь к сердцу, показывая, что я всегда остаюсь там, даже когда ее нет.

После ее смерти Фрэнки набил на предплечье ее имя — «Глори» — в виде радуги, выгнувшейся над словом «навсегда». Временами я думал, что было бы честнее, если бы татуировка гласила «Глори когда-то» или «Глори ненадолго», а еще лучше — «Прости, Глори».

Насколько помнится, я никогда не называл Фрэнки иначе чем по имени. Оно постоянно звучало в моих ушах. Обычно его кричали или невнятно бормотали незнакомцы, появлявшиеся и исчезающие в прокуренном синем доме. Мужчины, хлопавшие дверями и бывшие бутылки. Женщины, не умевшие готовить еду, которую я стал бы есть. Дети, которых я никогда не видел за игрой в настольные игры, которые не были моими. Помню, как-то Фрэнки кинул мне пачку жвачки и сказал: «Поделись с сестрами». Я оглянулся и увидел на диване за своей спиной пару рыжих

веснушчатых девчонок, которых прежде никогда не встречал.

«Глори навсегда»? Ей было всего двадцать пять, когда она умерла. Фрэнки был старше на добрый десяток лет. Говорят, от матери мне досталась улыбка, но в остальном я — вылитый мой темноволосый отец. Помню, после урока об иммиграции во втором классе я начал расспрашивать Фрэнки о своем происхождении. Он сказал мне, что семья Глори приехала из Англии, когда она была еще совсем ребенком, а ее родители, оба — пожилые врачи, умерли от старости еще до того, как мама окончила педагогический колледж. Фрэнки предполагал, что он не пришелся бы им по нраву. Тогда мне пришло в голову, что, прожив родители Глори немного дольше, меня бы и вовсе не было на свете.

Когда я спросил о нашей семье с его стороны, Фрэнки замялся. Как и я, он был скрытен в том, что касалось его прошлого.

— По отцовской линии мы были Трулино до тысяча девятьсот тридцатых, но потом мой дед решил, что хочет носить более американскую фамилию, и поменял ее на Трули. В семье вышел скандал, и так мы оказались в Мичигане. Со стороны моей матери мы — франко-канадцы и индейцы-кри. Как-то к нам приезжали мои двоюродные братья из Квебека. Смуглые и подтянутые. Крутые. Я пошел в мать. Поэтому я такой скрытный и люблю ходить босиком.

Перед нашим синим домом стояло подгнившее кедровое крыльцо, с которого я мальчишкой пры-

гал с развевающимся полотенцем за спиной вместо плаща и кричал: «Я — Бэтмен!» или «Я — Супермен!», но, помню, как-то раз я потерял плащ и просто крикнул: «Я — это я!» Фрэнки стукнул ладонью по кухонному столу и заорал в открытое окно: «С таким самомнением тебе прямая дорога в Кливленд, Волф! В Кливленд и обратно!» Подбадривал он меня, издевался или бранил — я так и не понял до сих пор. Отец оставил меня — и всю мою жизнь — в состоянии изумления.

Однажды весной, когда мне было тринадцать, Фрэнки встал из-за кухонного стола.

— Теперь мы должны стать семьей, — объявил он, словно трагическая смерть моей мамы случилась десять дней, а не десять лет назад.

— Какой семьей?

— Мы переезжаем в Калифорнию. Этим летом.

— Ладно.

— Поживем у Крикет, пока не встанем на ноги.

Я никогда до этого не бывал в Калифорнии, и Фрэнки тоже. Я никогда не видел его сестру Крикет (Кэтрин) и даже не знал, что они близки.

Я понял, что Фрэнки влип в Меркьюри в какие-то неприятности: не смог вернуть долг или переспал с чьей-нибудь женой, подружкой, сестрой или матерью. Трудно представить, чтобы женщинам приглянулся безработный вдовец в грязной концертной футболке, но всегда находилось множество симпатичных девушек, готовых водить пальцем вдоль радуги на татуировке Фрэнки «Глори навсегда». «Я просто сочусь феромонами», — сказал он мне однажды, помахивая ла-

донями возле своих подмышек, словно предлагая мне понюхать.

Мы запланировали отправиться к Крикет в калифорнийскую пустыню в конце июля. Фрэнки был очень уклончив, когда я спросил, что будет с нашим крошечным синим домиком. (Позднее он признался, что проиграл его.) Он сгреб туалетные принадлежности Глори с превратившейся в святую полочки в ванной — лосьон для волос с запахом лимона, мазь от экземы, непечатую пачку сосудосуживающего препарата против ее весенней аллергии — и выкинул все в мусорное ведро.

— Там, куда мы едем, нам это не понадобится, Волф, — сказал он, и я задумался, а зачем нам все это было нужно здесь.

В детстве я много времени проводил в общественной библиотеке Меркьюри. Фрэнки отправлял меня в читальный зал, рассудив, что это лучше, чем платить няне. Старшим библиотекарем была мисс Киттл, замкнутая брюнетка, которая, как и остальные библиотекари, еле меня выносила. Я не мог их в этом винить. Я воровал пончики с вечеров для престарелых, наводил беспорядок на полках и слишком долго задерживался в мужском туалете. И все же мне нравилась библиотека. Мне нравились книги. И особенно мне нравилась пухленькая мисс Киттл, от которой пахло ягодами.

За несколько недель до того, как мы уехали в пустыню, мисс Киттл удивила меня, окликнув по имени, когда я вошел в библиотеку.

— Волф Трули!

С мисс Киттл что-то было не так — щеки у нее порозовели, губы блестели, а густые темные волосы волнами ниспадали на плечи. Судя по выражению ее лица, она не собиралась меня ругать, что сбивало меня с толку.

— У меня есть кое-что для тебя, Волф, — сказала она.

Прежде мисс Киттл никогда не обращалась ко мне напрямую.

— И что же?

— Слышала, вы переезжаете в Санта-Софию? Вблизи ее глаза были еще красивее.

— Там живет моя тетя Крикет, — ответил я.

— Я родом оттуда, — сказала мисс Киттл. — Мой отец все еще живет там. Я езжу к нему каждое лето.

— От Калифорнии далеко до Мичигана, — я почувствовал, что краснею.

— Пришлось переехать сюда, чтобы помогать ухаживать за Мим. Я скучаю по пустыне.

— А я буду скучать по зиме.

— А! — она подняла указательный палец, потом потянулась под стойку и достала большую тяжелую книгу. — Тебе не придется скучать по зиме.

— Правда?

— У тебя будет гора, — она протянула мне тяжеленный том. — «Гора среди пустыни».

Едва я увидел фотографию на обложке — снимок гранитного пика в обрамлении сосен, сделанный с вертолета, я понял, что с этой горой связана моя судьба. Подробности прыгали со страниц, словно трехмерное дежавю: вершина на высоте

десяти тысяч футов, отправная точка поперечных горных гряд, сотни миль нетронутой природы, охотничьи угодья индейцев группы Агуа-Кальенте, место обитания снежных баранов, кугуаров, гремучих змей, количество осадков в десять раз больше, чем выпадает в пустыне у ее подножья, проливные дожди весной и осенью, метели зимой. Я никогда прежде не слышал об этом месте, но казалось, что я уже там бывал.

— Тебе стоит забраться на вершину, — сказала мисс Киттл.

— На вид довольно высоко.

— Большую часть пути можно проехать по канатной дороге, — она открыла книгу и показала фотографию на целую страницу. — Она поднимается почти вертикально. Гляди.

Так и было.

— Канатная дорога поднимает пассажиров от остановки «Пустыня» с климатом Мексики до остановки «Гора» с климатом севера Канады меньше чем за двадцать минут. От пальм к соснам.

— Класс... — выдохнул я.

— Оттуда можно подняться на вершину. Мне удалось только однажды, — призналась она. — Было облачно.

— Жаль.

— Может быть, попробую снова, когда этим летом приеду в Палм-Спрингс навестить отца, — сказала она.

— Попробуйте.

— Может быть, позову с собой тебя и твоего отца. Его ведь Фрэнки зовут? — она покраснела.

«О нет», — подумал я. Фрэнки никогда не ходил в библиотеку, поэтому у меня в голове не укладывалось, где эти двое могли встретиться.

— Верно, Фрэнки, — подтвердил я.

— Ты не знаешь, где в Санта-Софии живет твоя тетя?

— Верди-Вилидж, — ответил я, вспомнив, что рассказывал Фрэнки.

— Звучит знакомо. Кажется, это закрытая территория за воротами.

— Насчет ворот не знаю.

— Обычно в таких местах бывают поля для гольфа.

* * *

В Верди-Вилидж не было поля для гольфа. Или ворот. Или сверкающих бассейнов. Или теннисных кортов. Или декоративных фонтанов. Или асфальтированных дорог, если уж на то пошло. Санта-София была чистым пустынным городком, состоявшим в основном из охраняемых богатых кварталов.

Но позади торговых центров в миссионерском стиле, цветущих бугенвиллей цвета фуксии и разделительных полос из белого заполнителя и цветущих кактусов, за заброшенными железнодорожными путями, тысячи человек жили в квартале трижды перезаложенных разборных домов под названием Верди-Вилидж, размазанном по двум квадратным милям выжженной солнцем голлой земли.

Первоначальные алюминиевые трейлеры двойной ширины с двускатными крышами выглядели обшарпанными, но в них хотя бы были электричество и водопровод, в отличие от второго слоя сооружений за ними — передвижных домов, проросших из семян, посеянных фирмами «Эйрстрим», «Коучмен» и «Фор Уиндз»¹. Еще дальше за ними бродяги соорудили беспорядочную «корочку» хижин и лачуг, укрытие для экономических беженцев, психически больных и байкеров. Местные называли этот район Жестяным городом.

На его опасных улочках росли дети, которые были не по возрасту опытные, но, увы, казалось, всегда учились слишком поздно. В Жестяном городе было чертовски жарко — он поставил большинство рекордов штата по температурам больше сорока. Я все еще чувствую запах немых тел и дважды пережаренных сосисок, сигаретного дыма и кошачьего дерьма и слышу недовольство, словно пробивающееся по радио сквозь помехи. Но больше всего я чувствую ветер, постоянно дующий через перевал Сан-Горгонио, полирующей землю и питающий заросли ветряков вдоль пустынных дорог.

Эти полосы прямых белых стеблей видны даже с восьми тысяч футов в гору. Потрясающий вид.

¹ «Эйрстрим», «Коучмен», «Фор Уиндз» — фирмы в США, производящие автодома. — *Здесь и далее примеч. перев.*

День первый

В ночь перед тем, как пойти на пик Ангела, я совсем не спал, но все же провалялся в постели почти до полудня. Наконец я встал, натянул одежду и отыскал теплые шерстяные носки, которые Берд подарил мне за два Рождества до того. Я завязал шнурки походных ботинок — впервые за год — и потянулся за рюкзаком, висевшим на крючке у входной двери. Подумав, я повесил рюкзак на место. Воспоминания об этом моменте потом долго будут преследовать меня. Потому что я решил, что мне больше не нужны ни швейцарский нож, ни консервы, ни вода, ни одеяла, и мне не хотелось, чтобы все это пропало зря.

На станции «Пустыня» я ждал последней, как мне тогда казалось, поездки в гору на канатной дороге и, прислонившись к стене, разглядывал других пассажиров. Трех туристок, с которыми я заблудился в тот осенний день, я не знал, но каждую из них приметил по разным причинам еще до того, как наши судьбы переплелись. Нола, Вонн. Бриджет.

Нола, женщина с проникновенным взглядом голубых глаз и аккуратно уложенными седыми волосами, прошагала мимо меня в алом пончо, и я, помнится, подумал, что это яркое красное

пончо, наверное, можно увидеть даже из космоса. На ней были добротные горные ботинки, а на плече висел черный рюкзак. В тонких руках она держала потрепанный путеводитель. Я принял ее за экскурсовода из парка, которые водят короткие походы по широкой долине у подножья остановки «Гора».

Она первой вошла в кабину, которая должна была доставить нас от пустынного кустарника к горным лесным дебрям, и заняла место у окна с видом на пустыню. Одним хочется видеть, куда они едут, другие любят смотреть, где они только что были. Она обернулась и заметила, что я смотрю на нее. Я смущенно отвернулся.

Вонн вошла в кабину следом за группой молодых людей, с которыми, как я предположил, она и путешествовала. До того я видел, как она листала книги по истории американских индейцев в сувенирной лавке. Она была красива: черные волосы и смуглая кожа, острые скулы и полные губы. На ней были штаны цвета хаки и синее полупальто, напоминающее бушлат, а на ногах — ярко-зеленые шлепанцы, при виде которых я заключил, что она вовсе не собиралась в поход.

Мой отец, Фрэнки, говаривал, что существуют два типа людей: те, кто замечает, и те, кого замечают. По его словам, я был из первых, а он — из вторых. Фрэнки описал бы внешность Вонн как экзотическую, как обычно поступают, когда не уверены в национальной принадлежности человека. Я предположил, что девушка принадлежит к смешанной расе — белая и латиноамериканка,

или белая и афроамериканка, или латиноамериканка и афроамериканка. Она заняла место у окна, выходящего на пустыню, и отвернулась от спутников.

Бриджет вскочила в кабину за секунду до закрытия дверей и протиснулась в середину. Ее высокий светлый хвостик раскачивался при каждом повороте милой головки. Она была опасно худа, завернута в несколько слоев лайкры, теплая на вид ветровка с флисовой подкладкой была завязана на поясе, а на ногах красовалась пара дорогих на вид беговых кроссовок. Когда она потянулась мимо меня, чтобы ухватиться за поручень, я решил, что обязан подвинуться.

У нее при себе был голубой сетчатый спортивный мешок, в котором я разглядел кошелек, три бутылки воды и три зерновых батончика в обертке из серебристой фольги. Я принял ее за старшекурсницу из колледжа, но, когда она посмотрела на меня и улыбнулась, я увидел светло-голубые глаза женщины хорошо за тридцать. Возможно, я задержал взгляд на секунду дольше, чем требовалось.

Канатная дорога работала по принципу двойного маятникового движения, когда одна кабина спускалась с горы, другая поднималась вверх. Она была подвешена на двадцати семи милях связанных канатов, натянутых между пятью огромными башнями, закрепленными болтами на скалистом склоне горы. У каждой из пяти башен кабинка перескакивала с одного каната на другой и раскачивалась, будто ярмарочный аттракци-

он, минуту или две, а то и дольше, если дул сильный ветер. Пассажиры получали незабываемые впечатления, особенно если ехали в первый раз. Когда мы приблизились к первой башне, я принял устойчивое положение. Женщина с хвостиком только что открыла бутылку с водой. Значит, новичок.

Кондуктор, которого я, к счастью, не узнал, объявил в микрофон:

— Приближаемся к первой башне. Дамы и господа, держитесь крепче, — и после театральной паузы добавил: — Будет качать.

— Что это значит? — спросила блондинка.

— Возьмитесь за поручень, — сказал я.

Но она меня не расслышала, потому что в этот самый миг раздался громкий удар, рывок, и кабина закачалась, а блондинка закричала, разлила воду и потеряла равновесие на мокром полу.

Подхватив ее под локоть, чтобы она не упала, я сделал вид, что мне не все равно.

Когда кабина перестала раскачиваться, плывя среди клочковатых серых облаков, женщина посмотрела мне в глаза.

— Мне кажется, я вас знаю.

— Я часто езжу по канатной дороге.

— Я раньше была на этой штуке только один раз и перед этим накачалась успокоительными, поэтому ничего не помню.

Я отвернулся, надеясь, что это поможет прервать разговор.

— Мне кажется, я вас знаю откуда-то еще.

— Нет.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЛОРИ ЛАНСЕНС
ПЯТЬ ДНЕЙ В ГОРАХ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Ирина Львова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.07.2026.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,61. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-TLS-39665-01-R